

Юлия Захарова

Висела туча над опушкой...

«Литнет»

2025

Захарова Ю.

Висела туча над опушкой... / Ю. Захарова — «Литнет», 2025

В глуши, на краю забытого села Гадюкино, стоит дом, над которым вечно висит грозовая туча. В нем живет Лариса Тимофеевна — белая ведьма, травница, когда-то спасавшая людей от болезней и напастей. Десять лет назад она в гневе отгородилась от мира, поклявшись больше не выходить за порог и не принимать никого. Ее дом охраняет серый волк, а письма с просьбами о помощи она сжигает, не читая. Но однажды в ее жизнь вторгается мальчишка — внучатый племянник, которого ей «доставляют» буквально по почте. Мир, который она так тщательно оберегала, рушится. А она вынуждена сделать выбор: остаться в своем затворничестве или рискнуть снова открыть дверь — не только гостю, но и боли, прошлому, и, возможно, любви. «Висела туча над опушкой» — это история о силе одиночества и хрупкости сердца, о том, как гнев может превратить дом в тюрьму, а прощение — снова сделать его домом. Это сказка для взрослых, написанная с юмором, иронией и глубокой человечностью, где магия живет в каждом закоулке: в волке у порога, в коте с чиновничьим именем, в ожившей метле и в туче, которая хранит не только грозу, но и память.

© Захарова Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	16
ГЛАВА 6	19
ГЛАВА 7	22
ГЛАВА 8	24
ГЛАВА 9	27
ГЛАВА 10	30
ГЛАВА 11	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

ГЛАВА 1

В маленький кривой домик с покосившимся от времени крыльцом, стоящий на опушке леса в некотором удалении от села Гадюкино, редко заглядывали гости. И это не потому, что сам домик выглядел мрачно и ненадежно – порой казалось, что он рассыплется, подуй ветер чуть сильнее. И не потому, что над его крышей даже в самые ясные дни висела громадная кудрявая грозовая туча. И даже не потому, что вход охранял большой серый волчара со звериным оскалом на морде вместо улыбки.

Хозяйка дома, Лариса Тимофеевна, белая ведьма и травница, к которой в былые времена стояла очередь из нуждающихся, в один момент обиделась на весь свет и стала затворницей в четырех стенах. Люди еще какое-то время ехали к ней со всех концов губернии, топтались часами во дворе, но чаровница на контакт идти наотрез отказывалась.

– Прокляну, если сейчас же не оставите меня в покое! – кричала женщина из своей темницы, куда она заточила себя по собственной воле.

Никто сначала не верил ее угрозам. Но когда одного из ходатаев после визита в ведьмин двор три дня к ряду тошнило слизнями, паломничество прекратилось. С тех пор минуло уже десять лет.

Изредка к травнице заглядывал местный почтальон Прохор, приносил письма от родственников и старых друзей, которые Лариса Тимофеевна сжигала не читая. Да еще навещался председатель Савелий Иванович. Тот все пытался убедить женщину покончить с отшельничеством и вернуться в мир. К людям. Они нуждались в ней.

– Перетопчутся! – огрызалась сквозь щели в двери ведьма на все его просьбы.

На том разговор и кончался.

В тот ясный летний день Лариса Тимофеевна занималась своими самыми обычными делами. Ничего не предвещало беды.

С самого утра она уже сходила в лес, пополнила запасы трав и ягод для отваров, и теперь устроилась за домом на широком пеньке срубленного дерева в тени висящей над головой тучи и перебирала «улов».

– Мать-и-мачеха... Зверобой... Тысячелистник... – бормотала она, аккуратно раскладывая листочки и стебельки по плетеным из луба корзинкам. – Зверобой... Тысячелистник... Душица... А ты еще кто такой?

Ведьма подняла неопознанное растение, сощурила глаза, пытаясь сфокусироваться на веточке с мелкими буро-зелеными листочками, поднесла ее к носу, понюхала, сморщилась.

– Тьфу ты, медвежья печенка! – она брезгливо отбросила ветку. – Весь лес загадили, туристы окаянные!

Женщина вытерла руки о фартук, надетый поверх льняного расшитого цветами платья, и взяла новый пучок.

– Мать-и-мачеха... Подорожник... Астрагал...

Волк, лежащий чуть поодаль от хозяйки, ошетинился и низко зарычал, серая шерсть на загривке встала дыбом. Старуха нахмурилась, отложила травы и встала.

– Кого там принесла нелегкая? – проскрипела она низким утробным голосом.

– Это я, Тимофеевна! – из-за угла домика показалась голова Прохора. – Придержи псину!

– Волчок! Фу! – скомандовала ведьма, и волк тут же успокоился и послушно сел у ног хозяйки.

Прохор осторожно сделал шаг вперед, поглядывая на зверя.

– Зачем приперся? – старуха уперла руки в бока и смотрела на почтальона исподлобья.

– Опять писульки свои принес?

– Так не мои! – хохотнул Прохор. – Твои!

– Можешь сделать доброе дело? Ежели на мой адрес что приходит, ты это сразу в реку сбрасывай!

Лариса Тимофеевна уже решила было, что разговор окончен, поэтому развернулась и направилась обратно к своему насиженному пню.

– И этого тоже в реку? – спросил Прохор, выволакивая из-за спины мальчонку лет восьми-девяти, который тут же вцепился в его форменную куртку обеими ручонками.

– Не надо меня в реку! Пожалуйста! – пискнул ребенок, а глаза его от страха превратились в две пятирублевые монеты.

Ведьма вздрогнула, застыла на месте на полушаге и медленно обернулась.

– Ты еще кто такой? – ее седые брови сурово сошлись над переносицей.

– Антошка, – пробормотал малец.

Лариса Тимофеевна перевела взгляд на Прохора, но тот лишь пожал плечами.

– Велено доставить! Так что – получите, как говорится, и распишитесь! – почтальон отодрал от себя мальчишку и выдвинул вперед.

– Не буду я нигде расписываться! – взбрыкнула старуха. – Веди его туда, откуда взял! Я его знать не знаю! Ты кто вообще такой?!

– Антошка, – мальчика уже колотило крупной дрожью.

– Тьфу ты! – сплюнула ведьма на землю. – Чей ты будешь-то?

– Теперь твой! – снова хохотнул Прохор. – Племянник это твой. Внучатый. Антон Скворцов. Прошу любить и жаловать!

Почтальон развернулся на каблуках, вспарывая рыхлую землю и собрался ретироваться, но Лариса Тимофеевна в один прыжок оказалась возле него, вцепилась в пухлую, набитую корреспонденцией сумку и дернула ее на себя. Прохор, не ожидавший от старой развалины такой прыти, покачнулся и со всего размаху опустился пятой точкой в аккурат в грядку с морковью. Фуражка слетела с головы и откатилась в кусты.

Ведьма посерела лицом, глаза налились кровью. Она нависла над мужчиной, как ястреб и ткнула ему в грудь сморщенным костлявым пальцем.

– А ну встал живо из моей моркови!

Прохор, кряхтя, выбрался из грядки. На штанах сзади расплылось жирное грязное пятно.

– Ну вот! – тяжело вздохнул он. – Только вчера форму постирал...

– Еще постираешь! Не развалишься! – старуха снова сплюнула на землю точно под сапоги почтальона. – Кто велел мальчишку ко мне доставить?

– Известно кто! – развел он руками и полез под куст в поисках головного убора. – Савелий Иваныч!

– Значит так! – Лариса Тимофеевна сложила руки на груди, щеки ее гневно раздувались. – Забирай его отсюда и веди обратно в сельсовет! Мне он не нужен!

– Не в сельсовет, а в сельскую администрацию, – поправил ее Прохор, деловито подняв указательный палец. – Отстала ты, Тимофеевна, от жизни!

– Поговори мне еще, умник! – гаркнула ведьма.

Мальчишка громко всхлипнул и вытер мокрый нос ладошкой.

– А ну не реветь! – зыркнула на него старуха, и слезы сразу высохли на щеках сами собой.

– Мне велено доставить, я доставил, – развел руками Прохор. – Дальше, разбирайся с Иванычем сама.

– Что значит сама?! – возмущалась ведьма. – Ты же знаешь, что я в село не ногой!

– Да по мне хоть на руках иди! Это не мое дело! – засмеялся почтальон. – Пора мне. Работа не ждет!

Он похлопал ладонью по сумке и, насвистывая, скрылся за домом.

Перестав невротически моргать, Лариса Тимофеевна, наконец, встретила глазами с мальчиком. Белобрысый, с пухлыми младенческими щеками и абсолютно бестолковым взглядом, Антошка весь скукожился от страха и трясся, как осина на ветру.

– Тьфу ты! – ведьма снова сплюнула. – Значит так... Ничего здесь не трогай... Я скоро вернусь!

Малец сглотнул подкативший к горлу ком и кивнул. Лариса Тимофеевна развязала фартук, повесила его на сухой сучок дерева и уверенным шагом направилась к калитке.

ГЛАВА 2

За те десять лет, что Лариса Тимофеевна просидела в затворничестве, село сильно изменилось. некогда покосившие старые сгнившие заборы теперь сменили аккуратные штaketники, покрашенные в один и тот же болотно-зеленый цвет. На крышах, вместо унылого шифера теперь играла разными красками веселая черепица. Все домики были отштукатурены и стояли ровными белыми рядами, как офицеры на параде. А в центре села, рядом с базарной площадью выросла непонятного предназначения металлическая вышка, на верхушке которой поблескивал красным маленький огонек.

– Это еще что за чертовщина такая? – старуха задрала голову в небо и с прищуром изучала чудаковатую конструкцию.

Она постояла несколько минут, перебирая в голове варианты, для каких целей в самое сердце живописного села воткнули этого уродливого монстра, но, не найдя никаких логических объяснений, вспомнила, почему она нарушила свой обет и вышла из дома, и стремглав рванула к зданию администрации.

Односельчане, завидя из-за своих заборов спешащую по дороге ведьму, бросали все свои дела и застывали на месте, впериw в нее удивленные взоры. Местный тракторист Василька едва не утопил своего стального коня в речке, засмотревшись на это диво, выбравшееся, наконец, из сумрака. А ведь когда-то Лариса Тимофеевна спасла его мальчонку от заикания. За одно посещение, недуг как рукой сняло. До сих пор, сколько лет прошло, болтает без умолка – не заткнуть.

Прохожие останавливались на ходу, сдавали на обочину, чтобы пропустить несущуюся на всех порах фурию. Все, кто видел ее, понимали – старуха была не в духе и не просто так покинула свой дом. А так как слухи разносились по селу со скоростью, близкой к астрономической, благодаря хорошей работе местной почты, то все прекрасно понимали, что Савелию Ивановичу сейчас придется не сладко.

Некоторые, впрочем, из тех селян кто постарше, помнившие былые заслуги белой ведьмы перед родным селом, остановившись, почтительно кланялись.

– Доброго здравия вам, Лариса Тимофеевна, – говорили они, снимая перед старухой шляпы.

– И вам не подохнуть, – огрызалась ведьма, продолжая стремительное движение к заветной цели.

Здание администрации она узнала не сразу. Сначала подумала, что чиновничье логово снесли, а на его месте воздвигли Большой театр в миниатюре. Высокое крыльцо с колоннами венчало вход. Массивные двойные двери, для открытия которых требовалась недюжинная сила, так и шептали простому обывателю, что незачем беспричинно тревожить власть имущих. Окна во всем здании выглядели странно, будто были сделаны из белой пластмассы.

Ведьма затормозила на ходу, подняв башмаками столб пыли вокруг себя, и встала в замешательстве.

– Неужто заблудилась, дура старая? – проворчала она себе под нос, рассматривая фасад.

Под самой крышей висела большая металлическая коробка и монотонно гудела лопастями вентилятора внутри.

– Облака что ли разгоняют? – пожилая женщина подняла голову и глянула на небо, но кроме одной единственной тучи, висевшей над ее домиком на отшибе села, больше никаких признаков того, что погода испортится, не было.

Ведьма уже утвердилась во мнении, что прибежала не туда, и собралась было повернуть назад, но тут заметила в одном из окон с пластмассовой рамой седую голову председателя.

– Ага! – она подняла скрюченный палец вверх и пошла штурмом на дверь.

Убранство внутри здания поражало размахом. Полы были устланы коврами, на которых, правда, уже остались многочисленные следы от сапог сельчан, от сорок второго до сорок восьмого размеров. Кто-то, судя по всему, каждый вечер эти дорожки чистил, но не так-то просто избавиться от духа русского мужика. Этот если уж наследил, то, как говорится, не вырубить и топором.

Лариса Тимофеевна спешила к кабинету председателя, который, как назло, скрывался в самой глубине бюрократических лабиринтов здания.

– Ничего-ничего, – уговаривала саму себя старуха. – Я тебя все равно достану, окаанный! Не спрячешься...

Она пыхтела, поднимаясь по лестницам, переходя из одного крыла в другое. Коридоры были похожи, как две капли воды. Тот же замусоленный ковер со следами ног, те же монотонные стены, тот же лаптастый фикус...

– Фикус! – всплеснула руками Лариса Тимофеевна, пробегая в четвертый раз мимо растения. – Кто ж так строит-то?! Недоучки!

Вернувшись к началу пути, а именно к входным дверям, она согнулась в три погибели, и словно ищейка пошла по следам. Выбрала она самые большие и самые свежие, которые не могли принадлежать никому иному, кроме как Прохору. А этот поганец точно здесь сегодня проходил.

Уткнувшись во что-то мягкое и явно живое, ведьма резко распрямилась и увидела перед собой миловидную длинноногую девушку, почти девчонку. Она стояла в дверях кабинета, над которым висела большая позолоченная табличка с выгравированной на ней надписью: Сивко Савелий Иванович – председатель администрации села Гадюкино.

– Здравсти... – пролепетала девица и попятилась назад, но быстро уткнулась спиной в дверь. – Вы к Савелию Иванычу? А его нет!

Она выстреливала слова, как из автомата, а глаза бегали, пытаясь укрыться от испытующего взгляда старухи, который пробирал до мурашек.

– Как же это – нету? – крикнула ведьма.

– А вот так! – развела руками девушка. – Обедает он.

– В одиннадцать утра? – Лариса Тимофеевна удивленно приподняла одну бровь.

– Господин председатель с пяти утра на ногах! Поэтому и обедает так рано. Вот! – выпалила она на одном дыхании.

– Господин, значит, – хмыкнула ведьма. – Я поначалу подумала, что в будущее попала... А нет, оказывается в прошлое! Господ, вроде как, в позапрошлом веке еще отменили?

– Ой... Просто Савелий Иваныч просит так его называть! – девица махнула рукой и по-детски хохотнула.

Старуха нахмурилась, уперла руки в бока и двинулась на секретаршу председателя.

– Иди к нему и скажи, что у Ларисы Тимофеевны к нему очень серьезный разговор!

Девушка сжалась, но от двери не отошла. Стояла грудью, как говорится.

– Нет его, – жалобно пискнула она.

Ведьма откашлялась, прочищая горло, и гаркнула:

– Иваныч! Лучше по-хорошему выходи!

За дверью послышались шорохи, что-то упало, но председатель голоса не подал.

– Я знаю, что ты там! – снова закричала старуха. – Видела твою патлатую голову в окне. Выходи, а то прокляну!

Девица вся сморщилась, готовая расплакаться.

– Прочь! – гаркнула ведьма, и девица тут же ретировалась, оставила свой блокпост и скрылась в неизвестном направлении.

Лариса Тимофеевна потянула на себя дверь и оказалась в небольшой приемной председателя. В углу стоял стол, на нем телевизор и плоская пластмассовая коробочка с кнопками. На противоположной стене располагалась еще одна дверь. Массивная, дубовая, с позолоченной ручкой.

– Ага! – воскликнула старуха и бросилась к ней.

Как она ни пыталась ее открыть, та ни в какую не поддавалась.

– Иваныч... – тихонько поскреблась она. – Открой... Я же знаю, что ты там!

– Нет меня! – раздался голос председателя из-за двери.

– А где ты? – ухмыльнулась ведьма.

– Обедаю я! В трактире у Петра.

– И чем кормят? – Лариса Тимофеевна прижалась ухом к двери.

– Борщом с пампушками, – продолжал врать председатель.

– Вкусно, небось? – издевалась старуха.

– Вкусно! Ты зачем пришла? – Савелий Иванович готов был сдаться.

– Сам знаешь! Впусти меня!

– Не могу! – упрямылся председатель.

– Это еще почему? – всплеснула руками ведьма.

– Боюсь...

– Брось... Поговорим просто...

Щелкнул замок, дверь приоткрылась. Лариса Тимофеевна скользнула внутрь.

ГЛАВА 3

Антошка стоял посреди двора, именно там, где велела оставаться ему старуха, и переминался с ноги на ногу. Состояние покоя было для мальчика совсем не характерно, поэтому автоматически выводило его из состояния покоя. Еще и рюкзак с вещами почтальон оставил на крыльце, а там и телефон, и планшет – те вещи, которые хоть как-то могли заставить его перестать двигаться.

Волк лежал под деревом и не сводил с ребенка взгляда. Глаза были умными и, вроде бы, добрыми, но стоило Антошке пошевелиться, грива на затылке зверя вставала дыбом, а из пасти показывались острые белые клики. Волчок со всей ответственностью охранял вверенное ему маленькое «королевство».

Ноги у мальчика начали затекать, куда деть непоседливые руки он вообще не имел ни малейшего понятия. Еще и мочевой пузырь начал давить. Резинка от шорт больно впиалась в живот и нестерпимо резала. Он тяжело вздохнул, присел на корточки и посмотрел на волка.

– Хорошая собачка... – мальчик поцокал языком и осторожно протянул руку.

Волчок утробно зарычал, Антошка отдернул ладошку и спрятал ее за спину. Некоторое время они изучали друг друга молча.

– Ну будь ты человеком! – почти с мольбой обратился к волку ребенок. – Мне очень надо пи-пи...

Волчок словно понял просьбу мальчика. Он лениво поднялся на лапы, махнул хвостом и побежал вглубь сада. Антошка тихонько двинулся следом. Зверь забежал за сарай и остановился возле высокой узкой деревянной постройки, похожей на домик на куриных ножках. Он обернулся, посмотрел на спешащего за ним ребенка и отошел в сторонку.

– Это что? Туалет? – мальчик с изумлением посмотрел на волка. – Я думал, он в доме...

Волк зарычал. Антон выставил вперед ладошки.

– Понял-понял... Спасибо, Волчок.

Мальчик прошмыгнул в деревянный домик и закрыл за собой дверь. Узкое темное пространство заставило его поежиться. Хоть он никому в этом не признавался, но до сих пор боялся темноты. Дома он всегда включал ночник в своей комнате, когда ложился спать. И никогда ночью не бегал по малой нужде, терпел до утра. Поэтому сейчас, оказавшись в крошечной тьме, его накрыло жуткой паникой. Антошка попытался глубоко дышать, как учила его мама, но быстро понял, что это была плохая идея.

Так и не сделав своих дел, он приоткрыл дверь. Волк сразу встрепенулся и сел.

– А где у вас здесь свет включается? – спросил зверя мальчик.

Волчок рыкнул, но прозвучало это так, словно он засмеялся.

– Понял... – покачал головой Антошка. – Можно я тогда с открытой дверью схожу, а то мне совсем ничего не видно.

Волчок расстелился по земле и прикрыл лапами морду.

– Вот правильно, – похвалил его мальчик. – Не подглядывай!

Опустошив мочевой пузырь, Антошка сразу почувствовал себя гораздо лучше. Он вышел из домика, ополоснул руки водой из стоящей рядом дубовой бочки, чем заслужил одобрительный взгляд Волчка, и вернулся на прежнее место, где ему велено было стоять.

Оставалось придумать, чем себя занять, пока не вернулась старуха. Мальчик засунул руки в карманы, и лицо его просветлело. Там он нащупал целую горсть конфет в хрустящих обертках, которые набрал в кабинете председателя. Он достал сливочную ириску, развернул и хотел уже сунуть себе в рот, как вдруг поймал на себе взгляд Волчка.

Сейчас грозный лесной зверь был похож на енота- попрошайку с глазами кота из мультика про Шрэка. Он сидел напротив мальчика и жалобно поскуливал.

– Хочешь? – ребенок не донес конфетку до рта и протянул ее Волчку.

Тот взвизгнул, закрутился у ног Антошки, забавно подпрыгивая на задних лапах. Мальчик размахнулся, запустил конфетку подальше в кусты, и пока волк, роя носом землю, искал ириску в зарослях, ребенок ломанулся к входной двери. На бегу он подхватил свой рюкзак, где были спрятаны все его детские сокровища, вынес плечом покосившуюся дверь и скрылся внутри.

В комнате, где Антон оказался, царил полумрак. Все окна были занавешены плотными шторами, едва пропускавшими дневной свет. Посередине громадным исполином возвышалась настоящая русская печь. Она встретила незваного гостя широко раскрытым жерлом, будто готовая проглотить его.

Мальчик попятился, испугавшись, и тут же наступил на что-то мягкое и пушистое. Из-под его ног раздался душераздирающий визг, и что-то темное метнулось в угол. Сердце Антона едва не выпрыгнуло из груди на пол.

– Совсем ошалел? – раздался скрипучий голос из темноты. – Под ноги смотреть не учили?!

– Простите, – пролепетал мальчик, пытаясь рассмотреть, кто с ним разговаривает. – А вы кто?

– Я кто? – возмутился голос. – Это ты кто?

– Я Антошка, – представился ребенок. – А как вас зовут?

– Василий Аристархович, – ответил голос.

– Вы, наверное, ведьмин муж? – осторожно предположил Антошка.

– Вообще-то, я ведьмин кот!

Из темноты медленно вышел огромный черный котьяра с угрожающим выражением морды и двинулся на мальчика. Антошка попятился, кот приготовился к прыжку. Мальчик увидел стоящую у печи метелку, схватился за ручку и направил прутьями на животное.

Метелка вдруг ожила в его руках, заплясала, зашуршала и издала пронзительный визг. От неожиданности Антон отбросил ее от себя подальше. Метелка покатила по полу, но потом взвилась в воздух и встала вертикально, опираясь на прутья, как на щупальца. Мальчик хотел выскочить на улицу, приоткрыл дверь, но на крыльце его уже поджидал Волчок, обиженный тем, что его развели, как щенка.

– Вали его, Анфиса! – приказал кот.

Метла заплясала по полу и рванула к мальчику. Антошка присел на корточки, втянул голову в плечи, закрыл лицо ладошками и пронзительно закричал.

ГЛАВА 4

Из кабинета Савелия Ивановича сразу пахло роскошью. Новая мебель из натуральных пород дерева, кожаный диван у стены для дорогих гостей, винный шкафчик в углу, на стенах развешены репродукции картин в громоздких безвкусных рамах.

Председатель прятался за креслом на колесиках, размерами превышавшем его плюгавенький рост, только седые редкие волосы, торчащие из-за спинки, выдавали его местоположение.

Лариса Тимофеевна прошлась по хоромам, с открытым ртом изучая каждую деталь интерьера. Когда она была в кабинете председателя в последний раз, здесь были стены с облупившейся краской и скрипучие деревянные полы, а сейчас – погляди-ка – кругом ковры, под ними паркет, стены шелками затянуты.

– Это на какие же барыши ты так разжился, козел старый? – уперла ведьма руки в бока.

– Финансирование от области выделили, – пискнул из-за кресла Савелий Иванович. – Наше село признали экономически перспективным в сфере развития культуры и туризма.

– Туризма, значит? – уточнила старуха.

– Ага, – подтвердил председатель. – Здесь же источник нашли целебный, с минеральной водой. Хотят еще завод строить по производству...

– По производству чего? – нахмурилась Лариса Тимофеевна.

– Так воды! – голова Савелия Ивановича на мгновение вынырнула из своего укрытия, но поймала тяжелый ведьмин взгляд и тут же исчезла снова.

– Я чего-то не понимаю... Какую такую воду они тут собрались производить? – старуха опустила на мягкий диван.

Кожаная обивка скрипнула под ней, издав неприличный в обществе звук. Ведьма сконфузилась и вскочила с места.

– Так я же тебе объясняю – минеральную!

– Ты ж говоришь ее нашли! Какого ж черта ее производить? Наливай, да пей!

– Темная ты женщина, Лариса! – председатель решил все же выйти на свет, но делал это постепенно, частями.

Сначала высунулась голова, потом торс, а затем появился и весь Савелий Иванович собственной персоной.

– Отчего же это я темная? – насупилась старуха.

– Да потому что не рубишь ни шиша в современной экономике!

– Ты, смотрю, прям рубишь! – перешла она в наступление.

Председатель уселся в кресло, откинулся на спинку, сложил локти на стол и переплел между собой пальцы.

– Сколько народу смогут к источнику прийти и чудодейственной водицы испить? Сто? Двести человек? – разглагольствовал он.

– И чего это им сюда вдруг идти вздумается? И так весь лес загадили! – ворчала ведьма.

– Верно мыслишь! – председатель расплылся в ухмылке и ткнул пальцем в воздух. – Мы эту водичку здесь по бутылкам разольем и по всей стране отправим. И всем хорошо!

Старуха задумалась, мохнатые брови ее густо сошлись над переносицей, желваки заходили над сморщенными щеками, губы беззвучно зашептали что-то. Савелий Иванович напрягся, вспотел, ослабил удушающий узел галстука. Костлявая рука ведьмы вдруг метнулась в его сторону, схватила за этот самый галстук и резко потянула на себя, затянув удавку на шее председателя. Мужчина захрипел, глаза выпучились, едва не выскакивая из орбит.

– Я, собственно, зачем пришла? – Лариса Тимофеевна приблизила свое лицо к багровеющему лицу Савелия Ивановича и буравила его взглядом.

– От-пус-ти... – еле смог выдавить из себя задыхающийся председатель.

Старуха ослабила хватку, чтобы он смог вздохнуть, но продолжала держать галстук, словно поводок.

– Сдурела совсем? – Савелий Иванович откашлялся, глаза встали на прежнее место. – Знаю я, зачем ты пришла! Ждал тебя!

Лариса Тимофеевна театрально огляделась по сторонам, будто что-то искала.

– Ждал, значит! – хмыкнула она. – Что-то я хлебосола не наблюдаю! Так-то ты встречаешь старого друга? Ты ж от меня под стол спрятался, да еще и девицу свою на меня натравил! Кобелина старей!

– Ну что вот ты начинаешь, Ларис? – председатель вырвал у старухи из рук галстук и разглаживал на округлившемся пузе.

– Я начинаю? – вскинула брови вверх ведьма. – Это я еще даже не начинала! Ты мне зачем этого мальчишку прислал?

– Предписание! – развел мужчина руками. – Что я мог поделывать?

– Какое еще предписание? Кто предписал? Забирай его взад! Немедля!

– Да куда я его заберу? Ты ему, почитай, единственная родственница. Что ж его, в детский дом предлагаешь отправить? При живой-то бабке! Постыдилась бы, Ларис!

– Никакая я ему не бабка! Да я этого пацана в глаза ни разу не видела! Знать его не знаю!

Савелий Иванович тяжело вздохнул, выдвинул верхний ящик стола, бахнул на стол увесистую папку с документами.

– Вот, почитай, – положил он перед ведьмой лист бумаги, покрытый мелкими печатными буквами.

Лариса Тимофеевна быстро пробежалась по тексту глазами.

– Он родной внучок сестры твоей Лидии. Помнишь еще такую?

– Знать о ней ничего не желаю! – отрезала ведьма.

– Дочь у нее была, Маша...

Машу старуха помнила. Сестра как-то привозила ее в село много лет назад. Тогда они еще худо-бедно ладили... Маленькая такая девчонка была, глазастая, любопытная до страсти.

– Четыре года назад они с мужем погибли в аварии. С тех пор Лидия Антошку сама воспитывала. А теперь... – вздохнул председатель.

– Померла что ли Лидка? – лицо ведьмы в один миг посерело, осунулось.

– Нет, но занедужила шибко. За мальцом смотреть пока не может.

Лариса Тимофеевна выдохнула с облегчением, но Савелий Иванович не понял, связано это было с тем, что сестра жива, или обрадовало старуху слово «пока».

– И что мне с ним прикажешь делать? – насупилась ведьма.

– Откуда ж мне знать? – пожал плечами председатель. – Воспитывай! Сейчас лето, каникулы. А осенью в школу пристроим. Ты новую школу видела уже?

– На черта б она мне сдалась, школа твоя? – огрызнулась Лариса Тимофеевна.

– Ну у тебя теперь вроде как ребенок! – хохотнул Савелий Иванович.

Ведьма взвилась на месте, глаза метнули в мужчину молнии, заставив тут же вжаться в кресло.

– Так! Не собираюсь я никого воспитывать! Будто и без того у меня дел нет! Вот забирай его и пусть у тебя тут живет. Вон какие хоромы!

– Сдурела что ли? Не могу я его забрать! Он у меня тут полчаса пробыл, все конфеты слопал, охломон!

– Ой, смотри! – ведьма грозно сложила руки на груди. – Конфеты дармовые для ребятенка пожалел! Да, тьфу на тебя, Иваныч! Прогнил уже насквозь весь!

– Да ничего я не пожалел! – обиделся председатель. – Ну нельзя его сюда. Тут казенное заведение. Здесь вообще-то люди работают! Да и дома-то всяк пацану лучше будет! Пожалей сиротку, родная кровь все ж таки...

– Тьфу! – Лариса Тимофеевна снова сплюнула на ковер, развернулась и вылетела стрелой из кабинета, заставив Савелия Ивановича облегченно выдохнуть.

Ведьма шла обреченно по улицам родного села, снова приковывая к себе взгляды жителей.

– Тимофеевна! – окликнул ее знакомый женский голос.

Старуха вздрогнула и остановилась. К ней спешила женщина, чуть моложе ее самой, в руках несла авоську, в которой гремели стеклянные бутылки.

– Вот, – протянула она Ларисе Тимофеевне плетеную сумку. – Молочка козьего возьми. Только утром надоила. Слышала мальчонка у тебя теперь...

Старуха молча приняла дар, стиснула зубы и поспешила дальше. Туча над ее домиком стала чернее ночи. Она хмурилась, бесновалась, ежесекундно мечла молнии из своей раздутой утробы. А это был очень плохой знак...

ГЛАВА 5

Истошный крик Лариса Тимофеевна услышала, еще не дойдя до калитки своего дома. Волчок с виноватой мордой лежал под крыльцом. Завидя хозяйку, сайгаком влетающую во двор, он протяжно завыл и закрыл лапами глаза.

– Медвежья печенка! Это что же там такое творится?!

Старуха укоризненно зыркнула на питомца, взбежала по ступенькам, схватилась за ручку и рванула дверь на себя.

Антошка лежал ничком посреди комнаты и вопил, что есть мочи. Сверху на нем сидел кот, прижимая когтистыми лапами к полу. А Анфиса выплясывала вокруг, охаживая мальчишку прутьями по мягкому месту.

– А-ну – прекратить экзекуцию! – гаркнула старуха зычным голосом.

Метелка замерла в воздухе, а затем вдруг очоенела и повалилась на пол. Прутики ее поникли, ручка пару раз безжизненно дернулась и замерла. Кот, ошетилив, распушил хвост, зашипел и бросился за печку, пробуксовывая задними лапами.

Антошка сел и уставился на ведьму. Губешки у него тряслись, зубы стучали, глаза выпучились, как у сома, выброшенного из воды на берег.

– Они... Они... – попытался он что-то объяснить старухе, но слова не шли.

– Тебе где велено было стоять? – Лариса Тимофеевна строго сложила руки на груди и грозно смотрела на мальчишку.

– Там, – указал он пальчиком на открытую дверь.

Из-за ведьминой спины выглядывал униженный обманутый Волчок.

– А если я велела стоять тебе там, как ты оказался здесь?!

– Волшебство какое-то, – пожал плечами Антошка.

Он встал с пола и отряхивал ладошками пыль с одежды. Старуха нахмурилась, шваркнула на стол авоську с молоком и принялась убирать учиненный домочадцами беспорядок.

– Я непослушания не потерплю... – ворчала она, раскладывая рассыпавшиеся по полу холщовые мешочки с травами и сушеными ягодами. – В доме порядок должен быть!

Антошка отцепил от рубашки последнюю прилипшую соринку и бросил на пол.

– Вообще-то у вас тут грязно, – заявил он. – Вон, выпачкался весь!

Ведьма вздрогнула, резко повернулась к мальчику, заставив его испуганно сжаться.

– Грязно? – зарычала она.

Антошка сглотнул подкативший к горлу ком и попятился.

– Вон метла! – Лариса Тимофеевна ткнула скрюченным пальцем в Анфису. – Возьми и приберись.

Мальчик посмотрел на метелку, которая буквально несколько минут назад плясала воде-виль на его шортах, поморщился и потер мягкое место.

– Что? Больно? – во взгляде ведьмы на мгновение промелькнула жалость.

– Больше обидно, – протянул мальчишка, тяжело вздохнув. – Я еще и сделать ничего не успел, а они как набросились... Эх...

– Все правильно! – старуха уперла руки в бока. – Они дом защищают, чтоб не шастали кто попало!

Анфиса зашуршала прутьями, заставив Антошку отпрыгнуть. Василий Аристархович осторожно высунул морду из-за печки.

– Но я ведь не кто попало! – возразил мальчик.

– А вот это надо еще доказать, – хмыкнула старуха. – Ладно... Вы пока тут приберите за собой, а я по воду схожу. И чтоб без глупостей!

– Хорошо, – вздохнул Антошка и вытер ладошкой нос.

Едва старухой скрылась из виду, Анфиса взвилась в воздух и приняла вертикальное положение. Она сложила прутьи колесом, уперла их в бока и налетела на мальчика, боднув его рукояткой.

– Нажаловался, значит... – Василий Аристархович выбрался из своего убежища и, сощутив янтарно-желтые глаза, смотрел на Антона. – Ябеда!

– А чего вы набросились, не разобравшись? Разве это гостеприимно? – мальчик попятился, когда котяра угрожающе пошел прямо на него.

Анфиса заплясала вокруг мальчика и снова ткнула его бок.

– Ай, – вскрикнул Антошка. – Значит так, да?

Он сжал кулачки, принял боевую позу, поджал губы. Кот приготовился к прыжку. С улицы донесся приглушенный рык. Все замерли. В дверном проеме лежал Волчок. Шерсть у него на загривке ошетичилась, пасть растянулась в грозном оскале.

Анфиса перекрутилась в воздухе и бросилась подметать пол, поднимая под собой облачко пыли. Мальчик чихнул. Василий Аристархович поднялся на задние лапы, замурчал, как ласковый котенок и принялся поправлять стоящие вокруг стола стулья, которые после потасовки теперь смотрели кто-куда.

Волчок зыркнул на Антошку. Тот понял все без слов, схватил мягкую тряпочку и тоже взялся за уборку, натирая до блеска все горизонтальные поверхности. Куда смог дотянуться. К тому моменту, когда Лариса Тимофеевна вернулась с полным ведром холодной родниковой воды, в доме воцарился образцово-показательный порядок.

– То-то же! – похвалила домочадцев ведьма. – А то совсем распоясались, окаянные!

Антошка стоял посреди комнаты и улыбался. Василий Аристархович развалился на печи и вылизывал свои длинные черные лапы. Анфиса вытянулась в углу по стойке смирно и не шуршала.

– Сейчас обедать будем! – старуха щелкнула пальцами и в жерле печки вспыхнули поленья.

– Вау! – восхитился мальчик. – А меня научите так делать? В школе все просто подохнут от зависти!

Ведьма ничего не ответила, только хмыкнула, достала чугунный котелок и встала к столу. Нож запрыгал по разделочной доске, кромсая на куски морковь и картошку, овощные колечки исполнили вальс над столом и сами запрыгнули в посудину.

Мальчик наблюдал за этим завораживающим действием, раскрыв рот.

– Ну чего варежку расхлебал? – вывел его из оцепенения грубый окрик старухи. – Воды подай!

– Ага! – Антошка бросился с кружкой к ведру.

– Лей! – приказала Лариса Тимофеевна.

Мальчик выплеснул содержимое в котелок и метнулся за следующей порцией.

Суп ели все вместе. Антошка и Лариса Тимофеевна за столом. Волчок и Василий Аристархович хлебали рядышком из своих мисок на полу.

– Очень вкусно! – поблагодарил мальчик, наевшись до отвала. – Спасибо, бабушка!

Ведьма вздрогнула, глаза защипало, так что ей пришлось даже отвернуться.

– Не лопни! – огрызнулась она, подскочила и принялась собирать грязную посуду.

Внутри нее шевелились какие-то незнакомые ощущения. А может и знакомые, просто давно уже забытые.

– Что мне теперь делать? – спросил Антошка, когда посуда была вымыта и убрана по местам.

– А я почему знаю? – отмахнулась от него старуха. – Чем ты обычно занимаешься?

– Играю, – ответил мальчик.

– Вот и поиграй! И не приставай ко мне без надобности!

– Ага, – он залез в свой рюкзак и выудил оттуда планшет. – А где у вас тут Wi-Fi?

– Кто? – не поняла Лариса Тимофеевна.

– Ну Wi-Fi! – пояснил Антошка, разведя ладошки в сторону.

– А-а, вайфай... – старуха поскребла рукой седую макушку. – Так это... Там, в саду. За сараем! Волчок проводит.

– Ага!

Мальчик вприпрыжку выскочил из дома в сопровождении волка и скрылся в глубине сада.

– Вайфай... Придумают тоже... Неужто нельзя сказать по-человечьи – где у вас клозет? А то – вайфай какой-то... Тьфу!

ГЛАВА 6

– Да объясни ты нормально, какого лешего тебе от меня нужно?

Ларисе Тимофеевне начало казаться, что она потихоньку сходит с ума. Загадочный вайфай оказался вовсе не тем, за кого она его принимала. Правда, это небольшое недоразумение подарило ей добрых двадцать минут покоя после обеда, пока Антошка и Волчок искали в саду за сараем мистическую коробочку с мигающими лампочками, способную обеспечить доступ ко всем мыслимым и немыслимым благам цивилизации. Вот только они, паразиты, во время поисков вытоптали всю черемшу, что снова свело на нет едва установившееся в душе ведьмы и без того шаткое равновесие.

– Сдается мне, что нет у вас никакого вайфая! – Антошка уже едва не плакал – глаза были на мокром месте, губы подрагивали.

– Да откуда он берется-то вообще? – старуха уперла руки в бока и медленно закипала.

– Оттуда! – мальчик ткнул пальцем в небо.

Туча над головой нахмурилась и брызнула в нахаленка прохладной стружкой воды.

– Ай! – Антошка стряхнул капельки с белобрысой макушки. – Чего она?

– А нечего пальцем в нее тыкать! Неприлично это!

– Зачем она вообще тут висит? – топнул ногой мальчишка и насупился. – Только солнце закрывает.

Волчок, внимательно наблюдавший за перепалкой, прижал уши к голове и заскулил. Он понимал, что малец ходил по краю.

Лариса Тимофеевна сама стала чернее тучи. Брови густо сошлись над переносицей, превратившись в сплошную линию, глаза потемнели и сощурились, желваки заходили под морщинистой кожей.

– Не твое собачье дело, сопля ты индюшачья! Учить меня еще вздумал, куда мне тучи вешать, поганец?!

Антошка выпучил глазенки и попятился. Василий Аристархович и Анфиса, подглядывающие за ссорой сквозь щель приоткрытой входной двери, предпочли тут же ретироваться, от греха подальше.

Ведьма сжала кулаки, что есть мочи, и топнула ногой. В тот же миг небо разверзлось. Землю сотрясло мощным ударом грома, засверкали молнии. Воздух затрепал электричеством, резко пахнуло озоном.

Волчок метнулся под крыльцо и протяжно завыл. Мальчишка весь скукожился от страха, зажмурил глаза, боясь даже пошевелиться.

– Простите, бабушка... – пролепетал он.

Слезы потекли по его пухлым щекам, смешиваясь с каплями обрушившегося на его голову ливня.

Лариса Тимофеевна вздрогнула, сердце неприятно екнуло в груди. Она разжала кулаки, тело, налитое до того будто свинцом, начало покалывать мелкими иголочками. Она выдохнула и махнула рукой. Туча в миг посветлела, прекратив изливаться.

Старуха смотрела на мальчишку. На нем не осталось ни одного сухого места. Вода струями стекала с его волос и одежды, а земля под ногами тут же впитывала ее без остатка. Антошку колотило крупной дрожью, зубы стучали, отбивая чечетку.

– Озяб? – спросила ведьма, смягчившись.

Он кивнул, все еще не решаясь сойти с места.

– Ладно, идем, – махнула рукой Лариса Тимофеевна. – Молока тебе с медом согрею. А то простудишься еще, чего доброго!

Антошка сглотнул подкативший к горлу ком.

– Я сейчас приду. Только сбегая еще разок за сарай...

Ведьма закатила глаза.

– Все никак не успокоишься со своим этим вайфаем? Ну беги, голубчик, беги...

Антошка развернулся и припустил в глубину сада, скользя на мокрых дорожках, к узкому деревянному домику, надежно спрятанному за сараем.

Когда он вернулся, на столе его уже ждала кружка горячего козьего молока с растопленным в нем липовым медом. Коту и волку угощение тоже перепало. Они жадно лакали сладкое лакомство из своих мисок, чавкая, каждый на свой лад.

Мальчик сел, обхватил согревающий напиток ладошками и отхлебнул.

– Вкусно... – тепло мгновенно разлилось по телу.

– Ты б штаны хоть передел. Замочишь сейчас здесь все...

К вечеру мальчишку залихорадило. Лариса Тимофеевна сначала заметила, что он стал какой-то квелый, а когда потрогала сморщенной рукой лоб, то едва не обожглась. Щеки у Антошки полыхали, глаза болезненно горели, а горло покраснело и покрылось белыми нарывами.

– Вот я ж дура старая! – ругала себя ведьма, готовя отвары из трав и смешивая горькие настойки.

Антошка лежал укутанный на печке и стонал в полубреде.

– Вот не умеешь ты сдерживать свой гнев, Лариса Тимофеевна, – поучал ее Василий Аристархович, с важным видом восседая на подоконнике. – Оттого и все беды сыплются на твою голову.

– Много ты понимаешь! – огрызнулась старуха.

– Много, не много... А кое-чего в жизни тоже повидал, – кот деловито лизнул лапу и мазанул ею по морде.

– Повидал он! Гляди-ка! – внутри ведьмы все начинало клокотать.

Что-что, а вот когда ее начинали поучать, она на дух не выносила.

– Ты же кот! Не тебе меня судить! – ткнула она в него пальцем.

Василий Аристархович прижал уши и зашипел. Анфиса в своем углу зашуршала прутьями.

– И ты туда же?! – злобно зыркнула на нее старуха. – Лишь бы упрекнуть! Подмети лучше! В доме ребенок больной!

Метла крутанулась вокруг своей оси, но с места не сдвинулась.

– Бойкот мне решили устроить? – Лариса Тимофеевна уперла руки в бока. – Ничего не перепутали, природы?

– Вот видишь? – кот спрыгнул с подоконника и перебрался на стол, поближе к хозяйке. – Ты вспыхиваешь от любой мелочи. Может тебе травок каких успокоительных попить?

Ведьма почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– Думаешь, я сбрендила? Чокнутой меня считаешь?

Она схватила Анфису за рукоятку. Василий Аристархович почувствовал неладное и поспешил укрыться, но не успел. Тугой пучок прутьев застал его в прыжке, когда он уносил лапы со стола. Кот взвизгнул, упал и продрифтовал в сторону печки, оставляя глубокие царапины на деревянном полу.

– Я вам покажу, кто в доме хозяин! – старуха охаживала зарвавшегося питомца метлой, пока он не нырнул в свое обычное убежище. – Распоясались, дармоеды!

Она в сердцах кинула Анфису на пол, понимая, что кота ей уже не достать. Метла подскочила, засеменила прутиками и тоже спряталась. Лариса Тимофеевна стояла посреди комнаты, тяжело дыша, и оглядывала учиненный беспорядок. Антошка на печке протяжно застонал.

Ведьма вздрогнула. А может и прав был кот, говоря, что не умеет она со своим гневом управляться? И так горько ей стало от этих мыслей...

Все ночь сидела Лариса Тимофеевна над больным ребенком. Отпаивала отварами, читала молитвы, меняла компрессы. К утру жар спал. Лицо Антошки порозовело, дыхание стало ровным, глазные яблоки под закрытыми веками перестали дергаться. Мальчик забылся безмятежным сном.

– Ну вот и ладно... – прошептала она, улыбаясь одними только уголками губ. – Вот и ладно...

Ведьма осторожно убрала с его лба прилипшую прядку волос. Почувствовав прикосновение, мальчик зашевелился, не просыпаясь, пошлепал пухлыми губками, перевернулся на другой бок и мирно засопел.

Лариса Тимофеевна встала, размяла затекшие косточки и вышла на улицу, во двор.

Над селом вставало солнце, начинался новый день...

ГЛАВА 7

Прямо из ведьмино сада через заднюю покосившуюся калитку вела кривая тропка в дремучий лес. Обычным путникам он мог показаться непролазным, темным и страшным, но Лариса Тимофеевна знала здесь каждый кустик, каждое деревце, каждый пенек. Она подхватила свою плетеную корзину и отправилась на зов сердца – только в лесу она могла пополнять силы, черпать жизненную энергию у самой природы.

Лес встретил старую ведьму тревогой. Она почувствовала это, едва переступила границу. Листья на кронах, обычно поющие переливные мелодии, теперь обеспокоенно перешептывались, трава пожухла и покорно припала к земле, птицы затихли, зверь затаился.

– Етишкин городской! – тихонько выругалась старуха. – Что же тебя так напугало?

Двигаясь неспеша, она углублялась в чащобу. Что-то было не так, но что конкретно, понять она пока не могла, и чем дальше заходила в лес, тем тревожнее становилось на душе. Надо было поскорее добраться до алтаря. Там, в самом сердце природы, она лучше видела, лучше слышала и лучше понимала само естество.

Алтарь она сложила собственноручно много лет назад. Натаскала белых камней с каменистых холмов, выложила на поляне замкнутый круг, куда простому человеку зайти теперь не представлялось никакой возможности. В центре возвышался огромный валун. Как он туда попал, никто не знал, но лежал он там с незапамятных времен.

От валуна исходил мощный поток живой энергии. Она-то и притянула в свое время Ларису, молодую тогда еще ведунью и знахарку. Когда ободок вокруг валуна замкнулся, внутри создалось мощное силовое поле. Бульжник стал теплым, а в темноте мерцал голубоватым светом. Но этого, кроме самой ведьмы никто никогда не видел, так как местные до ужаса боялись переступить границы ее владений. Она хоть и числилась среди белых, но в гневе все равно была страшна.

Так и жили много лет – уважали и боялись. Но так ведь оно и должно быть. Не каждого судьба силой одаривает. А к тому, кому она досталась, необходимо особое отношение. Так заведено. И тому, верно, были какие-то объяснения, только их давно все позабыли.

Лариса Тимофеевна переступила каменный обвод и вошла в круг. Валун сразу узнал ее, встретил теплом. Воздух внутри раскалился и потрескивал статическим электричеством. Ведьма раскинула руки и закрыла глаза. Мгновенно вихревые потоки окружили ее, подхватили и приподняли над землей, напитывая силой природы и магией.

Ударил гром, сотрясая лес. Зигзагообразная молния саданула в валун, накаляя его до бела. Ветер взвизгнул и пронесся по кронам деревьев, заставляя трепетать каждый листок. А затем все стихло. Старуха опустилась на землю и открыла глаза. Кровь забурилась по ее венам, словно ей снова было семнадцать.

Ведьма низко, до самой земли, поклонилась камню, вышла из круга и двинулась к лесному озеру. Вода в нем была кристально чистой, с бирюзовым отливом, и такой ледяной, что стыли ладони, когда она умывала лицо. Десятки подводных источников питали водоем минеральной водой.

Когда рябь от старухиных ладоней успокоилась, она взглянула на гладь воды и увидела свое юное отражение. На нее из глубины смотрела молодая совсем девушка, с длинной русой косой, толщиной в кулак и ясными, как звезды, глазами. Лариса Тимофеевна потянулась к голове, сдернула платок и провела сморщенной ладонью по седым космам. Девушка повторила ее жест и улыбнулась белозубой улыбкой.

Ведьма возвращалась сюда каждый день снова и снова. Прошное крепко держало ее за глотку и никак не хотело отпускать. Да ведь тяжело это – понимать, что твоя красота увядает, здоровье покидает брренное тело, да и разум – когда-то светлый и чистый, все чаще мутится, как стоячая вода в болоте.

– Кхех, – прокряхтела старуха, любуясь отражением, но вспомнила зачем пришла и нахмурилась. – Мое прошлое в лучшем своем воплощении, покажи мне мое будущее без прикрас.

Она рукой замутила воду, стерла девицу и уставилась в омут. Солнечный свет прорезал глубину, частички света заиграли в ней, складываясь в узоры, заплясали темные силуэты людей, застонали деревья, взмыли в небо черные птицы. А затем все резко оборвалось...

Ведьма насупилась, снова побултыхала рукой воду, но озеро замолчало, отказываясь дальше говорить с ней. Такое и раньше бывало. И Лариса Тимофеевна знала, что это означало. Переломный момент. Развилка пути. Будущее не предопределено и зависело сейчас только от нее.

Так вот откуда было то чувство тревоги – грядущие перемены, где ей снова предстояло выбирать. А выбирать она – ох как не любила!

Лариса Тимофеевна поднялась на свои старые ноги, узловатые колени скрипнули, скрюченная спина хрустнула, распрямляясь. Старуха тяжело вздохнула, махнула рукой и отправилась восвояси.

Когда ведьма вернулась домой, домочадцы еще спали. Волчок вытянулся под крыльцом и дрыгал лапкой во сне. Видимо ему снилось, что он гонял кроликов по опушке, как любил это делать, когда был щенком. Лариса Тимофеевна на цыпочках прокралась мимо, чтоб не разбудить. Волк дернулся, по-щенячьи взвизгнул и затих.

В доме тоже все было тихо. Антошка мерно посапывал на печке. Василий Аристархович лежал рядом, свернувшись в клубок. Детские ручонки вцепились в его черную шерсть, но коту, казалось, это даже нравилось. Анфиса мирно стояла в своем углу, привалившись рукояткой к стене. Только прутики слегка подрагивали и шуршали во сне.

Лариса Тимофеевна постояла немного посреди комнаты. Ее губ коснулась легкая, едва заметная улыбка. Она надела фартук, щелкнула пальцами, зажигая огонь в печи и взялась за стряпню.

Когда домочадцы проснулись, на столе их уже ждал каравай свежеиспеченного хлеба, взбитое из козых сливок масло, заваренный из сбора трав и ягод чай и прозрачное, как смола, варенье из кедровых шишек.

ГЛАВА 8

Всю хворь у Антошки, как рукой сняло. Будто и не было ничего. Он поел с аппетитом, сбегал в домик за сарай, умылся прохладной дождевой водой из бочки и встретил новый день бодрым и полным сил. Вот только заняться в этой Богом забытой глуши было совершенно нечем. Он уже послонялся по саду, покидал камушки в воробьев, копошащихся в куче песка перед калиткой, поймал улитку и три дождевых червя, побегал за прилетевшей к бочке на водопой сорокой. От страха птица выронила целых два пера – одно из крыла, второе из хвоста. Антошка тут же воткнул их себе в волосы и некоторое время изображал из себя индейского вождя. Но все это быстро наскучило. Он даже попробовал поиграть в свой планшет, но игры без интернета были совсем примитивными, даже для восьмилетнего пацана.

Лариса Тимофеевна, убрав посуду со стола после завтрака, водрузилась на любимый пенек, за долгие годы отполированный подолом ее платья до идеальной гладкости, и принялась перебирать травы.

– Мать-и-мачеха... Календула... Астрагал... Подорожник... – шептала она себе под нос раскладывая листочки по корзинкам. – Ромашка... Шалфей...

– Может у вас хотя бы мячик есть? – Антошка присел на корточки напротив ведьмы и наблюдал за ее работой.

– Нет у нас ничего! Астрагал... Мать-и-мачеха...

– Жаль, – тяжело вздохнул мальчишка, встал и отправился бродить по саду.

– Жаль ему... – буркнула ведьма. – Не помню, чтоб я когда-то страдала от безделья! Что за дети пошли!

Она махнула рукой, снова погрузившись в свои травяные сборы.

– Подорожник... Крапива... Тысячелистник...

Волчок, по обычаю, лежал возле ног хозяйки и дремал. Анфиса, едва все покинули дом, принялась шуршать прутиками по полу, наводя чистоту с таким рвением, словно готовилась к приему гостей, кои не навещали в домик на опушке уже много лет, но старые привычки, заведенные еще с времен, когда она была совсем молодой метелкой, все еще были живы. Василий Аристархович уселся на крыльце, тщательно вылизывая шерстку шершавым языком. Как правило, на это занятие у него уходило пару часов, зато если туча, зазевавшись, вдруг пропускала во двор солнечные лучи, то кот под ними весь блестел и переливался, как новенькие Жигули на воскресном рынке перед продажей.

Антошка, уже не зная, куда пристроить от безделья непоседливые конечности, нашел в саду палку и бесцельно слонялся, сбивая ею головки одуванчиков.

– Дыш! – очередной желтый пушистый комочек отлетел в сторону и приземлился аккуратно под ноги ведьме. – Бах!

– Это что же ты, по-твоему, сейчас делаешь? – нахмурилась старуха, наблюдая, как очередной цветок пал смертью храбрых.

– Это мой меч! – Антошка приподнял палку вверх и воинственно потряс ею в воздухе.

– И с кем же ты воюешь, позволь спросить?

Мальчик обвел глазами поляну, усеянную поверженными одуванчиками, и поскреб пятерней затылок.

– Я играю в рыцарей круглого стола, – объяснил он.

– И где-же ты здесь видишь стол? – закатила глаза Лариса Тимофеевна.

Антошка осмотрелся, остановил взгляд на пне и ткнул в него палкой.

– Вот, – заявил он.

– Мой пенек? – удивилась старуха.

– Ага, – улыбаясь закивал мальчик. – А давайте, вы будете король Артур? Может вы меня посвятите, ваше величество?

Он протянул ей свой воображаемый меч.

– Заняться будто мне больше нечем! – закипела ведьма. – Вот сейчас возьму эту палку, да вдоль хребтины протяну! Не отвлекай меня!

– Ну а что мне делать? – развел руками ребенок. – Здесь же скука смертная!

Старуха крикнула, брови густо сошлись над переносицей.

– А в городе своем, чем ты занимался?

– Играл в планшет. Чем же еще? – Антошка недоуменно развел руками.

Ведьма хмыкнула.

– И что же тебе мешает заняться тем же самым прямо сейчас? Ты ж его с собой притащил!

– Так вайфая нету! Как же я буду играть?

– Да что это за мистическая штука такая? Никак не могу разумать! – Лариса Тимофеевна начинала злиться не на шутку.

– О-о-о! – мальчик поднял палец вверх. – Это как магия! Вот без вашей магии Анфиса была бы обычной метелкой...

Анфиса, в этот самый момент показавшаяся на крыльце, чтобы сбросить с него наметенный в комнате мусор – клочок шерсти, две ореховые скорлупки и несколько сушеных веточек бергамота, взвилась в воздух и грозно зашелестела прутьями, чем напугала задремавшего кота. Василий Аристархович зашипел, выгнул спину дугой и от страха сиганул вниз, попав ровно на спящего Волчка. Тому снился чудесный сон, где он таки догнал шустрого кролика и уже собирался схватить его за шкурку. Волк клацнул зубами. Они сомкнулись на пушистом хвосте кота, заставив его громко заорать. От боли Василий Аристархович впился когтями в морду обидчика. Волчок проснулся, не понимая, почему вокруг так темно и лохмато, и в панике ломанулся вперед, сбив хозяйку с ее пня. Лариса Тимофеевна, так как произошло все очень быстро, не успела сгруппироваться, поэтому улетела вверх тормашками, перекувыркнулась через голову и приземлилась в грядку с морковью. В ту самую, которую совсем недавно почтил свои задом почтальон Прохор. Антошка покотился со смеху.

– Эх, жалко заснять не успел! – мальчишка вытирал ладошкой слезы. – Вы бы порвали интернет!

– Порвали мы пока только мой подол! – старуха, крихтя, выползала из грядки. – Тьфу на вас, окаянные! Всю морковь истоптали!

– Позвольте заметить, – кот высунул морду из кустов, фыркая и выдергивая из шерсти колючки. – Это ваш почтенный зад сию грядку посетил. А вот моя только что отполированная до блеска морда прошла по зарослям чертополоха.

Заспанный Волчок выполз из-под шиповника с абсолютно ошалевшим видом. В его носу торчал как минимум десяток колючих иголок. Анфиса каталась по крыльцу, барабанила прутьями по деревянному настилу.

– Смеетесь, значит, над старухой! – Лариса Тимофеевна уперла руки в бока и обвела домочадцев грозным взглядом.

Все в миг притихли. Анфиса скрылась в доме, звери прижали уши, а Антошка покраснел лицом и упер глаза в землю.

– Значит так! Не знаешь, чем себя занять, помоги травы перебрать! Вон что натворили! – она махнула рукой в сторону пенька, вокруг которого копной лежал перепутанный сушеный сбор.

– Так я ведь не умею! – развел руками мальчик.

– Там нечего уметь! Находишь одинаковые растения и складываешь в одну кучку. Понял?

– Кажется, да, – Антошка почесал затылок.

– Если что, Волчок тебе поможет!

Волчок нечленораздельно крякнул, но с хозяйкой спорить не стал.

– А вы куда, бабушка? – спросил малец, усаживаясь на ведьмин пенек.

– А я в село схожу. К председателю. Поспрашаю, откуда берется этот ваш вайфай! Слово-то какое... Тьфу! Будто, кто чихнул в лесу...

Лицо Антошки расплылось в улыбке от уха до уха. Лариса Тимофеевна сняла фартук, повесила на сук яблони и отправилась восвояси.

ГЛАВА 9

Савелий Иванович Сивко заправлял селом Гадюкино столько, сколько себя помнил. В это Богом забытое место он приехал еще молодым комсомольцем по поручению профкома – с целью окультуривания колхозников. Его сразу назначили профоргом местного клуба. Какая-никакая, а должность! Это ничего, что в подчинении у него не было ни одного сотрудника. Зато как звучало – профорг!

Молодому Саве Сивко тогда приходилось одному бороться с темным человеком, приучать его постепенно к культурной жизни. Он смотался в город, выбил для колхоза кинопроектор и целых четыре бабины с кинолентами. Каждый вечер понедельника клуб набивался до отказа. А вот на остальные мероприятия, введенные рьяным комсомольцем, ходили неохотно. Но Сава нашел выход из положения. На понедельничный показ фильма пускались только те, кто посетил на неделе хотя бы два кружка.

Так, по вторникам собирался клуб любителей книг. По средам вязали, в четверг пели. А по вечерам пятницы в доме культуры работал драмкружок. Всем колхозом ставили «Отелло». Мавра поручили играть трактористу Васильке. Перед спектаклем его с ног до головы вымазали ваксой. Когда он впервые появился на сцене во время премьеры, бессмертная трагедия едва не превратилась в смертельную комедию. Зрители едва животы не надорвали со смеху. Василька тогда сильно обиделся на Савелия, особенно когда понял, что ваксу быстро отмыть не удастся.

По субботам профорг ввел вечера танцев для молодежи. Согласно статистическим исследованиям подобные мероприятия способствовали повышению демографии в стране. На одном из таких вечеров он и увидел красавицу Ларису и втрескался в нее по уши буквально с первого взгляда. Длинная русая коса, толщиной в кулак, стать, как у скаковой племенной кобылы, губы пухлые, сочные, а глаза – чернющие, как сама ночь. Едва Сава Сивко взглянул в эти глаза, так будто в омут и окунулся. Да так, что не выбраться!

Но он, человек городской, образованный и особенно культурный, не считал проблемой завоевать сердце сельской девушки. В тот первый вечер подойти он так и не решился. Такие дела с наскока не делаются. Поэтому на следующий день принарядился в яркую красную рубашу, начистил сапоги той самой ваксой, что Васильке на морду не поместилась, начесал чуб, набекренил фуражку, надрал на клумбе возле сельсовета букет гвоздик и отправился на опушку леса, где в небольшом домике жила красавица.

Сказать, что встретили его плохо – ничего не сказать. Ведьма только посмеялась над пылким юношей, но так как смысл ее отказа до него дошел не сразу, ей пришлось пояснить. Гнала Саву Лариса гвоздиковым букетом до самого клуба на потеху всем односельчанам.

Молодой комсомолец потерял покой и сон. Что он только ни делал, чтобы привлечь внимание черноокой ведуньи, но все было напрасно. Пока однажды, когда он совсем уже отчаялся, она сама не постучалась в его дверь...

Савелий Иванович расплылся в улыбке, вспоминая тот вечер...

Он только что хорошенечко отобедал в трактире у Петра и шел обратно на рабочее место. Борщ с пампушками приятно плескался в желудке, а поднесенная хозяином в знак уважения чарка медовухи очаровательно шумела в голове. Видимо от этого шума и появились в мыслях председателя видения о давно минувших днях. Он попытался прогнать образ черных глаз. Даже махнул пару раз рукой перед лицом, но образ не то, что не развеялся, а буквально материализовался в конце улицы.

Только вместо русой косы теперь виднелись седые космы, вместо румяных щек – сморщенные печеные яблоки, а вместо стати – согбенный в три погибели стан.

– Вот же невезуха... Накликал беду на свою лысую голову... – проворчал Савелий Иванович, резко разворачиваясь на каблуках своих новеньких лакированных туфель и устремляясь в обратную сторону.

Лариса Тимофеевна его тоже заметила. Не ускользнул от ее взгляда и его маневр.

– Врешь! Не уйдешь! – старуха подобрала порванный подол платья и припустила бежать с такой прытью, на какую только способен человек в ее возрасте.

Савелий Иванович тоже ускорился. Он старался всем своим видом показать, что просто спешит, а не убегает от надвигающихся на него проблем, но удавалось ему это с трудом. Его ноги так быстро перебирали дорогу, что за ним уже на несколько метров тянулась пылевая завеса.

– Иваныч! – услышал он окрик ведьмы позади себя.

Он притворился глухим сразу на оба уха и перешел на бег.

– Да чтоб тебя, старый ты хрыч! – вопила ему вдогонку Лариса Тимофеевна. – Остановись ты хоть на минутку, ирод окаянный!

Но Савелий Иванович сдаваться не собирался. Он знал это село, как свои пять пальцев и был уверен, что сможет оторваться. Председатель завернул за угол, промчался мимо трактира, где только что обедал, и едва не снес выходящих из него двоих мужиков.

– Пожар что ли? – почесал затылок один, глядя ему вслед. – Тревожно на душе становится, когда председатель вот так улепетывает.

– Да, странно... Сельсовет-то в другой стороне, – поскреб нечесаную бороду второй.

– Не сельсовет, а сельская администрация! – поправила их пробегающая мимо Лариса Тимофеевна.

Мужики разом поснимали фуражки, и на всякий случай перекрестились. Тем более что только что пробило полдень и на колокольне местной церквушки зазвонили колокола.

Савелий Иванович оббежал вокруг церкви три раза и выскочил снова к трактиру. Мужики, зацепившись языками, все еще стояли на дороге.

– Если что, вы меня не видели, – крикнул им на бегу председатель и скрылся за углом.

– Если что – что? – почесал бороду один.

– Да если б я знал! – поскреб затылок второй.

– Ну что, работать пойдем или еще постоим?

– Иваныч куда побежал? – рядом с ними резко затормозила Лариса Тимофеевна.

– Туда! – в один голос ответили мужики, тыча пальцами в противоположные стороны.

Ведьма насупилась, свела брови над переносицей, сжала кулаки.

– Вообще, мы его не видели... – заикаясь ответил мужик с бородой.

– Прокляну! – сверкнула глазами старуха.

– Туда! – в этот раз пальцы синхронизировались и указывали верное направление.

– Тьфу на вас! – Лариса Тимофеевна сплонула на землю и, тяжело дыша, поплелась вдоль дороги.

Чтобы запутать следы, Савелий Иванович решил сделать крюк. Он оббежал практически все село самой длинной дорогой и был собой вполне доволен, что сумел одурачить старуху. Окрики за спиной больше не слышались. Председатель оторвался от преследования.

Когда он поднялся по лестнице в свой кабинет, то уже не чувствовал ног. Борщ в желудке взбился в густую пену и подпирал горло. Лицо приобрело нездоровый свекольный оттенок, а сердце отбивало чечетку, не попадая ни в одну ноту.

Длинноногая девица сидела за своим рабочим столом с выпученными, как у рыбы, глазами, и, словно эту же самую рыбу выбросило на берег, беззвучно открывала и закрывала рот.

– Если меня кто будет спрашивать, меня нет! – отдал ей приказ Савелий Иванович и прошмыгнул в кабинет.

– А где ты? – ухмыльнулась Лариса Тимофеевна, вальяжно развалившаяся в председательском кресле. – Небось в трактире у Петра? Обедаешь!

Савелий Иванович стал похож на девицу, похожую на рыбу, выброшенную из воды.

– Ты что здесь делаешь? – еле выдавил из себя председатель, когда дар речи к нему вернулся.

– Отдыхаю после марафонского забега! – съязвила старуха. – Ты что же, старая развалина, не слышал, что я тебя кричала? Зову-зову! Не откликается! И почесал, только пятки сверкают!

– Представляешь, не слышал! Надо же! А ты меня звала, да? – Савелий Иваныч устало опустился на гостевой диванчик. Ноги у него тряслись, как осиновые листочки. – А я вот решил спортом заняться. А то форма уже не та...

– Ох, брехун старый! И не стыдно, тебе? Я, может, к тебе по делу пришла, а ты со мной в бирюльки играешь!

Председатель тяжело вздохнул и стыдливо опустил глаза в пол.

– Стыдно, Ларис. И правда, повел себя, как мальчишка. Ну не могу я его забрать! Вот тебе крест! – Савелий Иванович рьяно перекрестился. – Не могу!

– Кого забрать? – не поняла старуха.

– Как кого? Пацаненка твоего!

– А-а-а... Да не, я по другому вопросу... – махнула рукой ведьма.

– Правда? – оживился председатель. – Чайку налить?

– Наливай! – кивнула Лариса Тимофеевна.

Савелий Иванович засуетился, расставил на столе чашки, сам сбегал за кипятком, даже варенье свежее открыл.

– Ну давай! – он принял председательскую позу, которую оттачивал годами.

– Чего давать? – удивилась старуха.

– Вопрос давай, по которому пришла.

– А-а-а! Точно! – Лариса Тимофеевна хлопнула себя ладонью по лбу. – Скажи мне, Савелий Иваныч, знаешь ты, где можно добыть вайфай?

Председатель уставился на ведьму.

– Так тебе интернет нужен? Для мальчонки, что ли?

– Ты видать совсем оглох, пень старый! Русским языком же тебе объясняю! Вайфай. Тьфу, аж в носу засвербело... Есть у тебя?

– Для тебя, по старой дружбе, найду!

Савелий Иванович деловито закинул ногу на ногу, переплел пальцы рук между собой, сложил их на коленке и улыбнулся. Он всегда знал, что настанет когда-нибудь тот день, когда Ларисе понадобится его помощь. И этот день настал.

Господи, благослови вайфай!

ГЛАВА 10

Следующим утром во двор ведьмы явился Прохор, обвешанный с ног до головы проводами. Лариса Тимофеевна решила, что он принес очередное совершенно ненужное ей письмо с восточкой из прошлой жизни, о которой ей совершенно не хотелось вспоминать.

– Чего приперся? – угрюмо встретила его ведьма.

– Вайфай принес, – подмигнул почтальон Антошке, который маячил со своей палкой-мечом позади старухи.

Малец, едва заслышав заветное слово, оживился, засуетился, аж покраснел весь от радости.

– Положи на крыльце и проваливай! – распорядилась Лариса Тимофеевна.

Прохор хохотнул, скинул на травку провода, поставил на ведьмин пенек ящик с инструментами и закатал рукава.

– Темная ты, Тимофеевна! Не шаришь ни шиша в современных технологиях! Я тут у вас до самого обеда провожусь.

Старуха нахмурилась. Терпеть Прохора в собственном дворе столько времени совсем не входило в ее планы, но, увидев, как осветилось радостью лицо мальчишки, она сплюнула на землю и скрылась в доме.

Едва ведьма перешагнула порог, Анфиса засуетилась, бросилась подметать комнату, запамятавав, что пятнадцать минут назад уже все прибрала.

– Да остынь ты, сумасбродная! – махнула рукой хозяйка. – Вижу, что чисто...

Удостоившись похвалы, Анфиса исполнила незамысловатый танец и довольно вытянулась у печки. Лариса Тимофеевна села к окошку, подперла подбородок кулаком и тяжело вздохнула.

– А может и взаправду я слишком отстала от жизни? – спросила она в пустоту.

Но ведьмин дом пустым никогда не был. Почуввав крепкий фундамент для философской беседы, Василий Аристархович, зевнул, потянулся и в один прыжок оказался на подоконнике.

– Хочешь об этом поговорить? – спросил он, растягивая морду в благоговейной ухмылке.

– С тобой что ли? – хмыкнула старуха. – Много ль ты понимаешь?

– А вот это было уже оскорбительно, – обиделся кот.

– Ну вот что ты можешь знать? Ты же кроме как лежанием на печке, ничем больше и не занимаешься! – сердилась Лариса Тимофеевна.

Кот фыркнул и отвернулся.

– Вообще-то, я выхожу в люди, пока вы с Волчком по лесу топчетесь. У меня и дама сердца имеется!

– Смотри какой ходок! Я-то все думаю, чего он каждый раз бубенцы свои до блеска начищает, хоть глядись в них, как в зеркало! А он по селу шастает, покамест я делом занята!

– Это элементарные правила гигиены, вообще-то! – махнул хвостом Василий Аристархович. – Делом она занята! Каким, позволь спросить?

– Что значит, каким? – насупилась ведьма. – Травы я собираю. Лекарственные!

– Ага... Верно говоришь, – кивнул кот. – Собираешь, сушишь... А потом сжигаешь за сараем за ненадобностью! Вонь потом стоит, деться некуда от нее.

– Деться ему некуда! К даме своей сходил бы!

– Да шерсть так дымом пропахивает, что все дамы от меня шарахаются потом еще неделю!

– А к чему это ты клонишь, ирод? – Лариса Тимофеевна вскочила, угрожающе уперла руки в бока. До нее только что дошел смысл слов кота. – Хочешь сказать, что я бесполезная?

– Да упаси боже, такое тебе сказать! – вальяжно потянулся Василий Аристархович. – Мне, по-твоему, жить надоело?

– А что ты тогда имеешь в виду?

– А то, что все твои труды получаются напрасными! Упертая ты, Лариса Тимофеевна. И еще вспыльчивая! Это тебя и губит!

– Это я-то вспыльчивая! – напустилась на кота ведьма, но тот даже ухом не повел.

Анфиса зашелестела в своем углу, поддерживая приятеля. Старуха обернулась на шум, грозно зыркнула на метлу.

– Прутья что ли тебе повыдергивать, чтоб не потешалась над хозяйкой? – Анфиса тут же притихла и отползла в глубь комнаты, от греха подальше.

– Что и требовалось доказать! – продолжал умничать кот. – Ты же заводишься с полуоборота! Слово против сказать нельзя! Поэтому и люди от тебя отвернулись. Поэтому и травы лекарственные снопами за сараем сжигаем...

– Отвернулись они! Сейчас прям! – ведьма уже приплясывала от негодования. – Да это я от них отвернулась! Мне и без них хорошо! Предатели проклятые!

– Похоронила ты свой дар за печкой! – фыркнул кот и спрыгнул с подоконника. – А еще ведьмой себя называешь... Тьфу!

Старуха опешила от такой наглости и даже не нашла, что ему возразить. Василий Аристархович, понимая, что может снова огрести метлой за столь вольные речи, поспешил покинуть жилище, воздух в котором уже повисился на несколько градусов. За ним выскользнула на крыльцо и Анфиса. Когда Лариса Тимофеевна гневалась, никто не хотел оказаться слишком близко. Больно уж у старухи были сложный нрав и тяжелая рука.

Прохор стоял на стремянке, прислоненной к сараю, и крепил к нему пластиковую коробку, от которой тянулся длинный тонкий провод. Оporочить современными технологиями ведьмин дом он не решился, поэтому выбор и пал на дворовую постройку. Антошка, затаив дыхание, стоял внизу и придерживал лестницу, чтобы почтальон не свалился и не лишил его забрезжившей надежды получить вожаделенный доступ в сеть, а еще, чтобы при падении он снова не угодил в морковную грядку и не расстроил в очередной раз бабушку. Волчок, как заводной бегал вокруг. Он понятия не имел, что такое вайфай, но отчего-то ему казалось, что появление этого новшества в доме, многое изменит. Как же он оказался прав!

– Ну, Антошка, принимай работу! – Прохор спустился вниз, вытер руки о штаны и принялся складывать в ящик инструменты.

Мальчик подпрыгнул на месте от радости, метнулся за планшетом и уже через секунду вышел в интернет.

– Вот здорово! – воскликнул он.

На главном экране высветилась тучка и надпись: «Село Гадюкино. Плюс двадцать восемь. Местами облачно».

– Смотрите, дядя Прохор, – он развернул планшет к почтальону. – Вайфай какой умный! Даже нашу тучку увидел сразу.

– Вашу тучку сложно не заметить, – усмехнулся Прохор.

Он подхватил ящик с инструментами, намотал на локоть остатки проводов, подмигнул Антошке и поспешил со двора.

Мальчик уселся на любимый старухин пенек и запустил ролики с забавными котиками. Волчок, заслышав звуки мяуканья из планшета наострил уши.

– А-ну, покажи, что твой вайфай умеет? – Василий Аристархович запрыгнул на пенек, уселся рядом с Антоном и заглянул в экран.

– Да все умеет! – мальчик листнул пальцем на следующее видео, и по экрану на задних лапах запрыгал рыжий кот, выпрашивающий у хозяйки лакомство.

– Эка невидаль! – фыркнул брезгливо Василий Аристархович. – Я еще и не такое могу! Чтобы не быть голословным, кот поднялся на задние лапы, подпрыгнул, сделал в воздухе сальто и опустился на все четыре конечности.

– Видал? – он горделиво распушил усы. – Только мне за такие выкрутасы никто вкусняшки не дает.

– Это потому, что вы не в интернете! – Антошка поучительно поднял вверх указательный палец. – А вот если вас снять и выложить, то еще и денег можно заработать.

– На кой мне нужны твои деньги? – удивился Василий Аристархович.

– Как на кой? На них можно знаете сколько всего купить? И вкусняшки, и игрушки, и подстилку мягкую... Да все что захотите! – мальчик демонстративно постучал пальчиком по лбу. – Главное, чтобы просмотры были!

– Хм... – Василий Аристархович задумался. – Поясни... Что за просмотры? Откуда меня надо снять и куда положить?

– Да не положить! А выложить! – рассмеялся Антошка.

Кот иногда казался мальчику слишком умным для представителя своего вида, но порой он не понимал даже элементарных вещей, о которых современные дети знали практически с пеленок.

– Положить... Выложить... Какая разница-то? – начинал раздражаться Василий Аристархович.

Он считал себя слишком умным для представителя своего вида, и всегда раздражался, когда кто-то пытался убедить его в обратном.

– Я вам сейчас покажу, – сжалился над котом Антошка. – Можете еще раз сделать сальто?

– Ну допустим, – Василий Аристархович решил немного поломаться и не соглашаться сразу, хотя перспектива получить мягкую подстилку его ужасно влекла.

Антошка встал с пенька, включил на планшете камеру и наставил на кота.

– Я готов. Снимаю!

Кот снова поднялся на задние лапы, вытянулся и исполнил безупречный кувырок. А когда приземлился на землю, то низко поклонился и сказал: «Вуаля!».

– Отлично! – похвалил его Антошка.

Он уже заливал ролик в сеть.

– Осталось немножко подождать...

Когда мальчик через пять минут обновил страничку, у него едва глаза на лоб не вылезли.

– Василий Аристархович! Да вы звезда! Смотрите!

Антошка развернул планшет экраном к коту. Под видео с прыжком быстро прибавлялись лайки и комментарии.

– Ух ты – го-во-ря-щий кот! – по слогам прочитал мальчик и в его глазах озарилось понимание, на какую «золотую жилу» он только что попал. – Точно! Говорящий кот! Мы сказочно богаты!

Когда Лариса Тимофеевна, наконец, смогла подавить свой гнев и выползла на крылечко, она увидела странную картину: Антошка, Василий Аристархович, Волчок и Анфиса кружили по двору в каких-то непонятных диких танцах, как мантру повторяя одну и ту же фразу:

– Мы сказочно богаты! Мы сказочно богаты! Мы сказочно богаты!

Ведьма решила, что они играют в какую-то неизвестную ей игру через вайфай. Она осторожно проскользнула мимо них, вышла через заднюю покосившуюся калитку и пошла в лес. Ей срочно необходимо было восстановить силы. Вспышки гнева ужасно выматывали...

ГЛАВА 11

Лес шептал. Каждым листом. Каждой травинкой. Деревья неслышно гудели, но Лариса Тимофеевна чувствовала их всеми фибрами своей души.

– Помоги... – шелестнула крона.

– Спаси... – проскрипела кора.

– Защити... – простонали корни.

Ведьма добежала до валуна, упала на него, крепко прижалась, обняла руками. Она ждала, когда Матушка-природа, по обыкновению, наполнит ее силами, но природа молчала. Камень обжигал тело старухи ледяным холодом. Поднялся ветер. Закружил вихрем прошлогоднюю сухую траву, поломанные ветви, сухие листья. Протрубил в глуши олень. Отозвались воем волки. Зашуршали чешуйками ужи. Затрясли иглами дикобразы. Все живое взывало к ведунье.

– Дай мне сил! – взмолилась старуха, но алтарь молчал.

Поднялась она. Завертелась внутри круга, раскинув руки. Подхватил ее вихревой поток, зашелкал вокруг воздух... Рухнула старуха о землю.

– К озеру! – приказала она сама себе, собирая последнюю волю в кулак.

Гладь озера молчала. Застывшей тишиной встретило оно хозяйку. Отказалось даже отражать старушечий образ. Только легонько колыхнулось серебристым отблеском и снова затихло.

– Лариса! – позвала ведьма, вглядываясь в омут. – Приди!

Но девица с русой косой не появилась.

– Почто так наказываете меня? – взвыла пожилая женщина, ударив по воде ладонью.

Лесное озеро пошло кругами, заволновалось, закипело.

– Почто разлюбили меня? – причитала ведунья.

Земля, словно услышав ее зов, задрожала. Гул поднялся будто из самой глубины, от ядра мироздания. Припала ухом Лариса Тимофеевна к кормилице, закрыла глаза, обратилась во слух. Все вокруг гудело, стучало, ухало.словно великан семимильными шагами приближался к ее святилищу с желанием растоптать, разрушить, уничтожить. Резкий металлический лязг прошелся по нервам. От глухого удара содрогнулся лес.

– Врешь! – взвилась ведьма.

Она подскочила на месте, подобрала подол платья и побежала. Колючие кусты цеплялись за одежду, ветки хлестали по лицу, но она не останавливалась. Все бежала и бежала, углубляясь все дальше в темный непролазный лес. Заблудиться здесь обычному человеку было раз плюнуть. Но Лариса Тимофеевна с малых лет изучала эти тропы. Знала каждое дерево, каждую травинку, каждый грибочек. Лес почитал ее, уважал, любил. А она отвечала ему взаимностью. Всегда берегла его, защищала. А теперь ее лес был напуган.

Ведьма выскочила на просеку. Солнечные лучи выхватили ее запыхавшуюся фигуру, ослепили на мгновение, заставили притормозить. Если бы сделала старуха еще буквально пару шагов, то на третьи сутки играли бы ведьмины похороны.

Едва Лариса Тимофеевна, лишенная возможности видеть, остановилась, и чтобы не упасть от быстрого бега, схватилась за шершавый ствол дуба, к ее ногам рухнуло вековое дерево, погребая ее под своей раскидистой кроной. Старуха сжалась в комок и крепко зажмурилась. Ветви и листья, как по волшебству, раскинулись по обе стороны от ведьмы, не причинив ей не малейшего вреда. Дуб в последний раз тряхнул кудрявой шапкой и, убиенный, затих.

– Это еще что за чертовщина? – вскинулась старуха, выплевывая желудь изо рта.

Впереди раздались крики.

– Человек! Там в лесу человек! – шумели испуганно мужики.

К Ларисе Тимофеевне уже неслась пара ног, обутой в тяжелые грязные сапоги.

– Жива, бабузь? – ведьма разлепила сначала один глаз, затем второй.

Она расправила осанку, собрала в кучу густые седые брови над переносицей, нарочито громко засопела и подняла голову на склонившегося над ней молодца.

Алексей Геннадьевич Свиристелкин, молодой столичный инженер, приехавший, как и его далекие предки, покорять сибирскую целину, строить завод для производства целебной минеральной воды, обладающей чудодейственными свойствами, впервые в жизни так сильно испугался. Его заверили, что местные жители в лес не ходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.